

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ ОРЛИЦКИЙ

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
ju_b_orlitski@mail.ru

Рец. на кн.: Словарь языка русской поэзии XX века. Том V: Н-Паяц / Сост.: Григорьев В. П., Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Кулева А. С. (ред.), Колодяжная Л. И., Гик А. В., Фатеева Н. А. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 1016 с. – (Studia philologica).

На протяжении последних десяти лет при поддержке РГНФ публикуются тома Словаря языка русской поэзии XX века [1]. Вышедший в свет очередной том этого уникального словаря – лучший памятник замечательному лингвисту и исследователю литературного авангарда Виктору Петровичу Григорьеву, 90-летие которого отмечается в марте 2015 года. В пятом томе Виктор Петрович вновь фигурирует как автор: в пояснении сказано, что он входит в число составителей словарных статей на имена собственные. Думается, что творческая энергия Григорьева до сих пор питает этот уникальный по масштабу и значимости лингвистический проект, несмотря на то что самого автора идеи нет уже семь лет.

Сам Григорьев сопоставлял свое тогда еще будущее детище с двумя самыми авторитетными русскими словарями – Даля и Ожегова, говоря в том числе и о сопоставлении всех трех «по объему». Сейчас опубликовано уже более 30 тысяч словарных статей, хотя составители словаря едва достигли начала буквы «П» – впереди еще ее большая часть, а также едва ли не самые объемные «Р», «Т» и особенно «С». Так что на три тома материала, значительная часть которого была собрана еще при Григорьеве и с его непосредственным участием, вполне хватит. А что до григорьевского сопоставления, то ученый выбрал для него, во-первых, самые известные широкому читателю-неспециалисту издания (в отличие от академических словарей), а во-вторых, издания, в большой степени ориентированные на язык художественной литературы. Ведь словарь Даля для нас сегодня – явление не столько «живого великорусского», сколько в первую очередь литературного, эстетически маркированного и окрашенного языка, своего рода инструмента современных литераторов.

Григорьев удивительным образом сочетал две, казалось бы, трудно соединимые филологические ипостаси – хлебниковеда (сам он предпочитал называть свою отрасль науки «велимироведением») и лексикографа: именно это и позволило ему еще в 1993 году обозначить «идею Словаря языка русской поэзии XX века, опирающуюся на понятия “самовитого слова” (и экспрессымы) как “чудовищно уплотненной реальности” (Мандельштам) и “аббревиатуры высказываний” (Бахтин)» [2; 739]. На первый взгляд, такая формулировка идеи словаря выгля-

дит не вполне научной – по крайней мере, в традиционном позитивистском смысле, на котором зиждется современная лингвистическая мысль. Но парадоксальность тут мнимая: эвристическая значимость самой попытки угнаться за языком, «в авангарде» которого всегда оказываются поэты, намного плодотворнее поневоле арьергардной дескриптивности. Знаменателен в приведенной цитате и выбор авторитетных имен, обозначающих разные полюса филологической мысли, но сходящихся в главном: в XX веке приходит осознание роли слова не только как инструмента, но и как важнейшей части реальности, ее авангарда.

Я не случайно настойчиво повторяю это слово, которое для Григорьева было синонимом творчества, искусства вообще – с авангардизмом в широком понимании связана такая важнейшая для словаря характеристика, как отбор материала: «Условимся для начала о работе по конкордансам к десяти поэтам: Анненскому, Ахматовой, Блоку, Есенину, Кузмину, Мандельштаму, Маяковскому, Пастернаку, Хлебникову, Цветаевой», добавляя: «Споры о первоочередных персоналиях решаются простым предоставлением конкордансов к Брюсову, Гумилеву, Вяч. Иванову, Клюеву, Ходасевичу и другим достойным поэтам» [2; 739]. Сопоставление «десяти поэтов» с «другими достойными» со всей очевидностью демонстрирует предпочтение новаторов перед консерваторами, потому что именно первые создают язык, а не пользуются им. Конечно, каждый по-своему: Анненский как «языкотворец» безусловно уступает по производительности Хлебникову, но нельзя не признать и того, что, во-первых, это представители разных не просто поколений, но и литературных эпох, а во-вторых, что без Анненского не было бы и всех остальных, и Хлебникова в том числе. Так что список имен оказывается вполне концептуальным, и в этом смысле, пожалуй, бесспорным.

Вторым сомнением оказывается обычно решительное преобладание эмпирики, обилие цитат. Однако и это – непосредственное следствие главной идеи составителей: дать читателю и исследователю в первую очередь язык поэзии, а не очередную умозрительную конструкцию, выстроенную по его поводу. И тут снова вспоминается словарь Даля, «страдающий» тем же самым «недостатком» (который давно уже превратился

в несомненное достоинство) – самодавлением, если хотите, материала над рефлексией.

Не говоря уже о чисто эстетическом удовольствии, неизбежно получаемом при чтении статей словаря, эта их особенность позволяет увидеть картину языка поэзии Серебряного века с максимальной возможной полнотой и объективностью. Рассмотрим один пример – среднюю по объему статью НЕВОЗМОЖНЫЙ из пятого тома (некоторые статьи занимают по две-три страницы, некоторые до десяти, эта – примерно четверть):

НЕВОЗМОЖНЫЙ [прил.] Это – лунная ночь невозможного сна, Так уныла, желта и больна В облаках театральная луна, *Анн900-е (72.1)*; Это – лунная ночь невозможной мечты... Но недвижны и странны черты: *ib.*; Весь я там в невозможном ответе, Где миражные буквы маячат... *Анн900-е (107.2)*; Напрасно вы исторгнули безбожно Крикливые хуленья на творца. Вы все, рабы свободы невозможной, Смутитесь здесь пред тайной без конца. *АБ901 (I,111)*; И мимо, задывая свечи, Как некий Дух, закрыв лицо, С надеждой невозможной встречи Пройдет на милое крыльцо. *АБ902 (I,177)*; Я печальными еду полями, Повторяю печальный напев. Невозможные сны за плечами Исчезают, душой овладев. *АБ902 (I,241)*; Невозможную сладость приеми, О, изменник! Люблю и зову Голубы приветствовать земли, Жемчужовые сны наяву. *АБ903 (I,300)*; И там, в канавах придорожных, Я, содрогаясь, разглядел Черты мучений невозможных И корчи ослабевших тел. *АБ906 (II,189)*; Вот он – ветер, Звонящий тоскою острожной, Над бескрайною топью Огонь н., Распростершийся призрак Ветлы придорожной *АБ908 (III,256)*; Ты проклянешь, в мученьях невозможных, Всю жизнь за то, что некого любить! Но есть ответ в моих стихах тревожных: Их тайный жар тебе поможет жить. [обращ. к Л. Д. Блок] *АБ913 (III,147)*; Бред безумья и страсти, Бред любви... Невозможное счастье! На! Лови! *АБ913 (III,213)*; Взабегам лесенкой крутой В наш мезонин – всегда весенний И золотой. // Где н. беспорядок – Где точно разразился гром Над этим ворохом тетрадок Еще с пером. *Цв914 (III,7)*; Ты слышать мог: вдали, вдали, Как будто с моря, звук тревожный, Для божьей тверди н. И необычный для земли... *АБ919 (III,330)*; Ночного гостя не застанешь... Спи и проспи навек В испытаннейшем из пристанищ Сей н. свет. *Цв922 (II,131.1)*; В авто, / последний франк разменяв. / – В котором часу на Марсель? – / Париж / бежит, / провожая меня, / во всей / невозможной красе. *М925 (168)*; На север / с юга / идут авеню, / на запад с востока – / стриты. / А между – / (куда их строитель завез!) – / дома / невозможной длины. / Одни дома / длиною до звезд, / другие – / длиной до луны. *М925 (206)*

Из статьи ясно, что концепт «невозможность» наиболее характерен для лирики Блока. В этом, как и многом другом, его непосредственным предшественником оказывается Анненский. А вот появление в этой статье примеров из Цветаевой и Маяковского – не столь «ожиданно».

Хотя, понятно, они имеют иную семантику: скорее нейтральную (особенно у Маяковского), чем мистически символическую, как у Блока и Анненского. Характерно, что эта перемена смысла может быть с помощью статьи даже датирована во времени: для русской поэзии предреволюционного периода характерно именно романтическое понимание «невозможности», для последреволюционной этот смысл уже не актуален, романтическая эпоха прошла невозвратно...

Разумеется, это только индивидуальная интерпретация материала словарной статьи. Важно другое: словарь дает объективную основу для подобных интерпретаций, он предоставляет материал, в котором нет никаких оснований сомневаться. Единственное, чего все-таки хотелось бы видеть, – это информацию о ритмических характеристиках отмеченных в статьях словоупотреблений. Ведь для поэтического языка важно, в каком типе стиха (силлабо-тоническом, тоническом или свободном) конкретное слово употребляется, в какой позиции оно находится в строке (в начале, середине или конце), попадает или нет в рифменное созвучие. Впрочем, обширный контекст (обычно – четверостишие) в большинстве случаев вполне позволяет увидеть это. Широта контекста дает читателю и интерпретатору очень важное преимущество: слова предстают не вырванными из текста, а заключенными в самодостаточный в семантическом отношении контекст. Это превращает словарь еще и в представительную антологию русской лирики – качество для словаря немаловажное, превращающее его из простого справочника в факт художественной словесности.

И снова вспомним слова Григорьева из давней, написанной еще тогда, когда словарь был только проектом, статьи «К поэтике и эстетике авангарда»: «Система таких последовательно совершенствуемых словарей для национальных поэзий XX века сделала бы разрешимой задачу сопоставительной эстетики авангарда» [2; 739]. Отметим два принципиально важных момента: допустимость и необходимость «последовательного совершенствования» словаря и его направленность на общеэстетическую, а не сугубо лексикографическую задачу – создание эстетики авангарда, особенно явной в сопоставлении с его ближайшими предшественниками – например, как в приведенном выше примере, с символизмом. Думается, что обе эти задачи последовательно и успешно решаются единомышленниками Виктора Петровича, продолжающими, несмотря ни на что, уже который год работу над словарем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь языка русской поэзии XX века / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. Т. I: А–В. М., 2001. 896 с.; Т. II: Г–Ж. М., 2003. 800 с.; Т. III: З–Круг. М., 2008. 792 с.; Т. IV: Кругл–М. М., 2010. 768 с.
2. Григорьев В. П. К поэтике и эстетике авангарда // Григорьев В. П. Будетлянин. М., 2000. С. 737–740.

Поступила в редакцию 15.09.2014